

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-6

Исследовательская статья

Зимова Н. С.
Мацнева Е. А.

**Особенности конструирования религиозной идентичности
в эпоху цифровизации**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Высшая школа современных социальных наук (факультет),
Ленинские горы, дом 1, Москва, 119991, Россия
nzimova@mail.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Высшая школа современных социальных наук (факультет),
Ленинские горы, дом 1, Москва, 119991, Россия
Matsneva.el@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности конструирования религиозной идентичности молодыми людьми в эпоху цифровизации. Авторы статьи обращают внимание на проблему изменений в религиозном сознании молодых людей, а также все большее распространение такого феномена, как диффузная религиозная идентичность (эклектичная, размытая и индивидуализированная форма духовного самоопределения). В качестве фактора, который может оказать влияние на конструирование молодыми людьми именно этого типа религиозной идентичности, авторы рассматривают цифровизацию современного общества. Проведенное авторами социологическое исследование с использованием метода анкетного опроса московской молодежи в возрасте от 18 до 28 лет (N=300) позволило подтвердить гипотезу о том, что высокая степень погруженности в цифровую среду влияет на конструирование у молодого человека диффузной религиозной идентичности. Так, среди респондентов с повышенным уровнем вовлеченности в цифровую среду оказалось на 50,2% больше тех, кто имеет размытую религиозную идентичность, по сравнению с теми, кто не проявляет такой вовлеченности. Для более детального анализа происходящих изменений в процессе конструирования религиозной идентичности современной молодежи было также проведено экспертное интервью, участниками которого стали ученые в области социологии религии и представители различных конфессий. Экспертные интервью позволили выявить две основные позиции по отношению к данному феномену: с одной стороны, отмечается опасность утраты глубины религиозного опыта, с другой – подчеркиваются новые возможности для духовного поиска в цифровую эпоху.

Ключевые слова: религия; религиозная идентичность; диффузная религиозная идентичность; цифровизация; цифровая среда; молодежь; секуляризация; конструирование религиозной идентичности

Информация для цитирования: Зимова Н. С., Мацнева Е. А. Особенности конструирования религиозной идентичности в эпоху цифровизации // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 85-101. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-6.

Natalia S. Zimova
Elizaveta A. Matsneva

**Features of the construction of religious identity
in the digital age**

Lomonosov Moscow State University,
Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty)
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
nzimova@mail.ru

Lomonosov Moscow State University,
Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty)
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
Matsneva.el@gmail.com

Abstract. The article examines the specifics of religious identity formation among young people in the digital age. The authors highlight the shifting nature of religious consciousness among youth, as well as the growing prevalence of diffuse religious identity – an eclectic, fluid, and highly individualized form of spiritual self-identification. Digitalization is analyzed as a key factor influencing the emergence of this type of religious identity. A sociological study conducted by the authors, based on a survey of young Muscovites aged 18 to 28 (N=300), confirmed the hypothesis that deep immersion in the digital environment contributes to the formation of a diffuse religious identity. Specifically, among respondents with high digital engagement, the number of those exhibiting a diffuse religious identity was 50.2% higher than among those with lower digital involvement. For a more detailed analysis of the ongoing transformations in religious identity construction, expert interviews were conducted with scholars in the sociology of religion and representatives of various religious denominations. These interviews revealed two prevailing perspectives on the phenomenon: on one hand, concerns were raised about the potential loss of depth in religious experience, while on the other, new opportunities for spiritual exploration in the digital era were emphasized.

Keywords: religion; religious identity; diffuse religious identity; digitalization; digital environment; youth, secularization, construction of religious identity

Information for citation: Zimova, N. S., Matsneva, E. A. (2025), “Features of the construction of religious identity in the digital age”, *Research Result. Sociology and Management*, 11 (2), 85-101, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-6.

Введение (Introduction). В современном многонациональном обществе, где наблюдается религиозный и культурный плюрализм, молодые люди могут сталкиваться с проблемой формирования своей религиозной идентичности, испытывая затруднения в определении ключевых ценностей, верований и культурных ориентиров. Основными причинами этой проблемы

являются отсутствие универсальных оснований общечеловеческой культуры (так как в современном мире существует множество различных культур и религий, каждая из которых имеет свои уникальные ценности и традиции), а также активные процессы цифровизации (молодые люди имеют доступ к интернету, социальным сетям и другим цифровым платформам, где присутствуют цифровая эволюция

религиозных представлений, вызывающая изменения в традиционных практиках, огромная информационная нагрузка, влияние различных мнений и убеждений).

Изменения в религиозном сознании молодых людей отмечаются социологами во множестве стран, и современная Россия не является исключением. Одним из примеров фиксации данной тенденции является исследование, проведенное Е. А. Кублицкой и М. М. Назаровым, которое показывает, что российское общество становится все более секулярным, а доля тех, кто на уровне самоидентификации заявляет о своей вере в Бога, сократилась за последние пять лет на 15% (Кублицкая, Назаров, 2019: 1120-1127). Данные изменения в религиозном сознании российской молодежи отражают общий мировой тренд секуляризации и изменение приоритетов молодого поколения в поиске смысла и целей в жизни.

Исследователи все чаще замечают такой феномен, как диффузная (или размытая) религиозная идентичность. Так, Т. С. Пронина и Д. Пенков проанализировав идентичности прихожан в Тамбовской области, приходят к выводу о том, что в современном мире на место уверенной религиозной идентичности приходит размытая большая религия идентичность, вызванная процессами индивидуализации. Авторы используют понятие «бриколаж», тем самым подчеркивая, что религиозная идентичность становится индивидуальным конструктом из религиозных смыслов, ценностей и ритуалов (Пронина, Пенков, 2019: 188-198).

В другой своей работе Т. С. Пронина снова возвращается к вопросу диффузной религиозной идентичности и дает большее понимание данного феномена. По мнению исследователя, размытая религиозная идентичность характеризуется «нефиксированным членством в конфессиональном сообществе, выборочным совершением ритуалов и

практик, неопределенным осознанием собственной принадлежности и демонстрацией приверженности к религиозным ценностям как к культурным и художественным» (Пронина, 2015: 18, 154-166).

Зарубежные ученые также исследуют диффузность религиозных представлений. В трудах итальянского социолога Роберто Чиприани (Чиприани, 2020: 4-8) этот термин описывает ситуацию, в которой люди могут исповедовать религиозные убеждения или участвовать в религиозных практиках, не принадлежа при этом к определенной религиозной общине или следуя установленным ритуалам лишь ситуативно. Диффузная религиозная идентичность часто характеризуется индивидуальным подходом к религиозности, где личный духовный опыт и интерпретация религиозных идей становятся важнее, чем формальное следование религиозным нормам.

Исследование ВЦИОМ в 2023 году подтверждает и актуализирует проблему проявления размытых религиозных представлений у молодых людей, неуверенности в своей религиозной принадлежности¹.

Исходя из данных Таблицы 1, можно заметить, что именно среди респондентов от 18 до 35 лет чаще всего встречаются ответы «Являюсь верующим, но к какой-либо конкретной конфессии не принадлежу» (8% у лиц от 18 до 24; 10% у лиц от 25 до 34), «Нет, я не верующий человек» (42% у лиц от 18 до 24; 24% у лиц от 25 до 34), «Колеблюсь между верой и неверием» (9% у лиц от 18 до 24; 10% у лиц от 25 до 34).

¹ Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ НОВОСТИ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 13.12.2023).

Таблица 1

Религиозная принадлежность россиян в 2023 году
(распределение по полу и возрасту), %

Table 1

Religious affiliation of Russians in 2023
(distribution by gender and age), %

Являетесь ли Вы верующим человеком, и если да, то последователем какой религии Вы себя считаете? / Are you a religious person, and if so, what religion do you consider yourself a follower of?	18-24 года / 18-24 years old	25-34 года / 25-34 years old	35-44 года / 35-44 years old	45-59 лет / 45-59 years old	60 лет и старше / 60 years and older
Православный / Orthodox	29	47	60	60	67
Мусульманин / Muslim	9	1	6	7	3
Католик / Catholic	<1	<1	<1	<1	<1
Протестант / Protestant	<1	<1	<1	<1	1
Буддист / Buddhist	<1	<1	<1	1	<1
Другого вероисповедания / Other religion	3	5	8	4	3
Являюсь верующим, но к какой-либо конкретной конфессии не принадлежу / I am a religious person, but I do not belong to any particular denomination	8	10	7	4	2
Нет, я не верующий человек / No, I am not a religious person	42	24	13	15	16
Колещую между верой и неверием / I waver between faith and unbelief	9	10	5	6	6
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	0	3	1	3	2

О схожем феномене в своей статье пишет кандидат исторических наук и кандидат богословия Юрий Леонидович Ореханов. Одной из ключевых особенностей конструирования религиозной идентичности молодежью, по мнению исследователя, является «Patchwork-идентификация» (Ореханов, 2014: 101-117). Один из основных тезисов автора – изменения в участии современной молодежи в религиозных общинах не обязательно указывают на отсутствие религиозного интереса среди молодых людей в целом. Напротив, молодежь может проявлять религиозный интерес в других формах, которые могут отличаться от традиционных. Такие формы проявления религиозного интереса могут включать участие в духовных практиках вне институционализованных религиозных структур, поиск сакральности в повседневной жизни, духовное

самообразование через различные источники, такие как литература, интернет и популярная культура, и принятие персонализированных форм религиозной практики, которые соответствуют их индивидуальным потребностям и убеждениям. «Patchwork-идентичность» в контексте религиозной идентичности описывает процесс, при котором индивидуальная религиозная идентичность формируется путем комбинирования и интеграции различных религиозных элементов, практик и убеждений из различных источников. Термин «patchwork» указывает на то, что религиозная идентичность создается путем объединения «заплаток» разнообразных религиозных и духовных влияний.

Подобное размывание религиозных представлений способно стать начальным звеном для возникновения новых религиозных движений и субкультур,

которые составляют оппозицию традиционным религиозным воззрениям мировых религий. Эта оппозиция становится все более сложно-контролируемым процессом для государства, приводя к изменению мышления религиозного населения и стимулируя пересмотр индивидами своих взглядов на религию, государство и общество в целом, а также сталкивая различные вероучения на основании религиозных убеждений (Кублицкая, Франчук, 2018: 227-242).

Таким образом, определив ключевую проблему, связанную с распространением феномена диффузной религиозной идентичности, и выявив одну из возможных причин этому – цифровизацию, как характерную черту современности, нами выдвигается цель проанализировать, какие особенности имеет конструирование религиозной идентичности в наши дни и действительно ли процесс цифровизации способен оказывать на это значительное влияние. Для достижения данной цели авторами настоящей статьи было проведено социологическое исследование с использованием методов анкетного опроса и экспертного интервью.

Методология и методы (Methodology and methods). Научным фундаментом данного исследования в вопросах религиозной идентичности являлись работы С. Н. Астапова (Астапов, 2016: 29-32), О. В. Бондаренко (Бондаренко, Леонова, 2010: 285-290), П. С. Гуревич (Гуревич, 2010: 66), Н. В. Дмитриевой (Дмитриева, 2023: 113), М. П. Мчедлова (Мчедлов, 2008), Т. С. Прониной (Пронина, 2019: 154-166), С. В. Рыжовой (Рыжова, 2019: 141-168), М. Ю. Смирнова (Смирнов, 2008: 68), А. Г. Спиркина (Спиркин, 1972: 206), Р. Чиприани (Чиприани, Рикуччи, 2020: 4-8).

Сущность процесса цифровизации и его последствия рассматривались на основе работ С. Ю. Глазьева (Глазьев, 2018: 17-30), П. Друкера (Друкер, 2020:

118-154), М. Кастельса (Кастельс, 2017: 608), С. В. Лобовой (Лобова, 2017: 104-117), А. В. Пекониди (Пекониди, 2021: 322-329), А. Д. Пухляк (Пухляк, 2020: 207-210), В. В. Смирнова (Смирнов, 2019: 72-76), К. Шваба (Шваб, 2019: 79-84). Влияние цифровизации на религиозную идентичность рассматривалось в работах М. А. Афанасьевой (Афанасьева, 2023: 114-122), Е. Л. Дмитриевой (Дмитриева, 2023: 129-136), А. В. Пивень, И. И. Яновым (Пивень, Янов, 2022: 175-178), Е. Н. Чесновой (Чеснова, 2022: 26-41), М. В. Федоровой (Федорова, 2020: 66-79).

Проанализировав работы вышеупомянутых авторов, мы делаем вывод о том, что под религиозной идентичностью понимается форма самосознания, которая отражает принадлежность человека к определенной религиозной вере или традиции; отождествление себя с определенными групповыми ценностями и нормами; осмысление собственного места и роли внутри конкретного религиозного сообщества. Изучая же конструирование религиозной идентичности, и исходя в целом из понятия «конструкта» стоит подчеркнуть, что мы исследуем процесс получения и структурирования знания о религиозной вере, обрядах, убеждениях и практиках, в результате которого индивид формирует собственную религиозную личность и определяет свое место в религиозном контексте. Отметим также, что в этом процессе человек создает и структурирует свою религиозную идентичность на основе субъективного восприятия религиозных, социокультурных и личностных факторов, что формирует его отношение к вере, ценностям, обрядам и обществу. Ключевыми характеристиками данного процесса являются динамичность, эмерджентность и изменчивость состояния.

В настоящее время существует множество классификаций уровней

религиозной идентичности, различающихся критерием их выделения. Наиболее известными в научной среде являются классификации, критерием которых выступают конфессиональная принадлежность – А. Н. Крылов (Крылов, 2014: 356); интенсивность веры – Г. Олпорт (Олпорт, 1954: 217); социально-культурная организация человека – А. Н. Крылов (Крылов, 2014: 356), А. Г. Спиркин (Спиркин, 1972: 206); особенности поведения в межличностных контактах – Н. В. Дмитриева, Н. А. Самойлик (Дмитриева, Самойлик, 2013: 113). Как мы уже упоминали ранее, в последнее время все чаще исследователями упоминается такой феномен, как размытая, диффузная религиозная идентичность, в связи с чем нам представляется необходимым выделение классификации, критерием которой будет являться уверенность и четкость собственных религиозных убеждений, соответствие их существующим канонам.

Проанализировав ряд работ, посвященных современному феномену «диффузной религиозной идентичности», мы можем выделить следующие уровни религиозной идентичности по вышеупомянутому критерию:

- уверенная религиозная идентичность;
- диффузная религиозная идентичность;
- отрицательная религиозная идентичность.

Для более глубокого понимания того, как функционирует каждый из этих уровней, необходимо обозначить элементы, из которых они состоят. Стоит отметить, что как в случае и социальной идентичности, элементы религиозной идентичности (которая и является частью вышеуказанной) существуют в рамках трех компонентов – когнитивного, эмоционального и поведенческого. Так, к элементам религиозной идентичности нами относятся:

- осознание себя в качестве верующего или неверующего человека;
- осознание своей принадлежности к какой-либо конкретной религии, вероисповеданию;
- знание конфессиональных канонов, догматов, традиций и следование им;
- принятие конфессиональных ценностей и норм;
- знание конфессиональной истории.

В качестве эмпирического объекта нами была выбрана молодежь. Это решение обосновано рядом причин. Во-первых, молодежь активно использует цифровые платформы для общения, обмена информацией и выражения собственных взглядов, что упрощает достижение цели нашего исследования – поиск особенностей конструирования религиозной идентичности именно в эпоху цифровизации. Во-вторых, молодые люди находятся на том жизненном этапе, когда происходит процесс активного формирования собственной идентичности, системы ценностей, убеждений. Таким образом, молодежь, активно пользующаяся цифровыми технологиями, может иметь совершенно иные подходы к восприятию религии и ее практик, чем более старшее поколение. Поэтому изучение этой темы в разрезе молодежи позволит лучше понять динамику изменений в процессе конструирования религиозной идентичности в современном мире. Молодежь – социально-демографическая группа людей в возрасте от 14 до 35 лет. Однако, учитывая возрастную неоднородность данной группы, нами была предпринята попытка разделить ее на подгруппы:

- от 14 до 17 лет (границы подросткового возраста, наиболее часто выделяемые отечественными авторами);
- от 18 до 28 лет (условные границы студенчества, которые включают в себя бакалавриат, магистратуру и аспирантуру и которые исключают из выборки лиц,

получающих высшее образование, младше и старше возрастных границ молодежи);

- от 29 до 35 лет (крайняя периодизация взрослости в молодежной группе).

Данная дифференциация помогла нам в дальнейшем более точно определить эмпирический объект при проведении социологического исследования.

К ключевым особенностям, характерным в той или иной степени для всех возрастных подгрупп молодежи и оказывающим влияние на конструирование религиозной идентичности нами были отнесены:

- промежуточность статуса молодого человека;
- социальная дифференциация в молодежной среде;
- лабильность сознания;
- трансгрессивность;
- экстремальность;
- Patchwork-идентификация.

Конструирование религиозной идентичности, несомненно, является многофакторным процессом. Однако нами была предпринята попытка выделить основные контексты формирования: семья, образование, культура, субкультура, процесс цифровизации. В рамках данного исследования мы остановили свое внимание именно на последнем факторе, определяя цифровизацию как процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы человеческой жизни, который включает в себя использование компьютеров, интернета, мобильных устройств, цифровых средств коммуникации, анализа данных, и других современных технологий. С точки зрения социологического анализа цифровизацию рассматривают как процесс, оказывающий глубокое влияние на социальные отношения, структуры и институты, так как он меняет способы взаимодействия, социальные нормы и культурные практики, а также оказывает влияние на образование, здравоохранение, экономику, политику и многие другие области жизни. Таким образом, цифровизация – процесс,

лежащий в основе глобализирующегося мира и способный влиять практически на все сферы жизни общества, в том числе и на формирование религиозной идентичности.

Процесс цифровизации способен нести за собой ряд последствий. Так, цифровизация влияет на процесс распространения тренда на секуляризацию (рост чувства безопасности; переход от ценностей, направленных на повышение рождаемости, к либеральным ценностям). Также цифровизация несет в себе новую форму прозелетизма, способствует религиозному обращению и трансгрессии, осуществлению новой формы религиозных практик и размытости религиозных представлений на стадии синтетической-конвенциональной веры (на которой находятся молодые люди).

Тем не менее, наибольший интерес для нас заключается в выявлении того, может ли процесс цифровизации влиять на формирование у молодых людей того или иного типа религиозной идентичности. Для того чтобы это проверить, нам необходимо выделить уровни погруженности человека в цифровую среду: повышенный, оптимальный и пониженный. Каждый из уровней состоит из ряда элементов: субъектная составляющая (оценка соответствия реального и виртуального «Я», самоощущение в Интернете), социальная составляющая (отношение к другим людям, общение, принадлежность к сетевой субкультуре) технологически-цифровая составляющая (отношение к Интернету в целом, пространство в Интернете, время в Интернете, информация в Интернете).

В ходе данной работы мы выдвинули гипотезу нашего исследования: высокая степень погруженности в цифровую среду влияет на конструирование у молодого человека диффузной религиозной идентичности.

В качестве эмпирического объекта нами была выбрана молодежь г. Москвы в возрасте от 18 до 28 лет. Выбор

обусловлен тем, что в данном возрастном периоде молодежь зачастую находится в процессе активной социальной идентификации, обладает относительной самостоятельностью (в сравнении с подростковым возрастом), находится в процессе осознания и апробирования собственных навыков и возможностей. Это также период, когда молодые люди формируют новые социальные связи, находятся в поиске новых авторитетов и референтных групп. Сужение выборки до московской молодежи связано с отсутствием необходимых ресурсов для проведения сплошного исследования, охватывающего всю территорию России.

Методом проверки гипотезы был выбран анкетный опрос. В качестве вида выборочного отбора мы воспользовались гнездовым (кластерным) методом отбора, который предусматривает выделение гнезд или кластеров более мелких единиц. Так, для проверки гипотезы нам необходимо было отобрать три кластера (люди с уверенной религиозной идентичностью, диффузной религиозной идентичностью и отрицательной цифровой идентичностью), каждый из которых должен отображать нашу генеральную совокупность.

Для кластера с уверенной религиозной идентичностью отбирались те анкеты, в которых респонденты уверенно заявляли о том, что являлись верующими; знали, к какой конфессии они принадлежат; всегда следовали религиозным учениям и

догматам; часто посещали религиозные организации; знали и читали религиозные тексты; высоко оценивали роль религиозных ценностей в собственной жизни; хорошо знали историю собственной религии.

Для кластера с диффузной религиозной идентичностью отбирались те анкеты, в которых респонденты либо уверенно заявляли о том, что являются верующими, либо сомневались между верой и неверием; либо уверенно заявляли о принадлежности к конкретной конфессии, либо заявляли, что являются верующими без принадлежности к конкретной конфессии; не всегда следовали религиозным учениям и догматам; изредка посещали религиозные организации; не знали/ не читали на регулярной основе религиозные тексты; низко оценивали роль религиозных ценностей в собственной жизни; низко оценивали знания конфессиональной истории.

Для кластера с отрицательной религиозной идентичностью отбирались те анкеты, в которых респонденты заявляли о том, что являются неверующими людьми.

Нами было собрано 423 анкеты, 123 из которых не соответствовали выборочной совокупности (респонденты отметили, что не живут в Москве и/или оказались младше 18/старше 28 лет), а также были не учтены из-за необходимости наличия в кластерах одинакового количества людей. Таким образом, наша выборочная совокупность представлена в Таблице 2.

Таблица 2

Распределение выборочной совокупности по полу и возрасту, чел.

Table 2

Distribution of the sample population by gender and age, people

	Уверенная РИ / Confident RI		Диффузная РИ / Diffuse RI		Отрицательная РИ / Negative RI		Всего / All
	Мужчины / Men	Женщины / Women	Мужчины / Men	Женщины / Women	Мужчины / Men	Женщины / Women	
18-21	17	18	18	16	16	17	102
22-24	14	15	15	14	16	15	89
25-28	16	20	17	20	19	17	109
Всего / All	100		100		100		300

* Источник: эмпирическое исследование / Source: empirical research

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В первую очередь проанализировались ответы респондентов относительно проявления отдельных элементов религиозной идентичности, таких как осознание себя в качестве верующего или неверующего человека; осознание своей принадлежности к какой-либо конкретной религии, вероисповеданию; знание конфессиональных канонов, догматов, традиций и следование им; принятие конфессиональных ценностей и норм; знание конфессиональной истории респонденты были отнесены к одному из трех кластеров: с уверенной религиозной идентичностью; с диффузной религиозной идентичностью; с отрицательной религиозной идентичностью.

В результате анализа ряда вопросов, направленных на выявление степени погруженности в цифровую среду, в каждом кластере были выделены соответствующие группы респондентов. Так, нами был построен график, на

котором отражено, сколько респондентов из трех кластеров имеют повышенный уровень погруженности в цифровую среду, оптимальный уровень и пониженный (Рисунок 1).

Анализ представленной диаграммы показывает, что среди респондентов, имеющих повышенный уровень погруженности в цифровую среду, значительно больше тех, кто имеет диффузную религиозную идентичность – 64,3%; 33% респондентов – отрицательную религиозную идентичность и лишь 2,6% респондентов – уверенную религиозную идентичность. Среди респондентов с оптимальным уровнем погруженности в цифровую среду, 40,6% – уверенной и 42% – отрицательной. Среди респондентов с пониженным уровнем погруженности в цифровую среду, 87,2% имеют уверенную религиозную идентичность – 87,2%; значительно меньше респондентов с диффузной – 4,3% и с отрицательной – 8,5%.

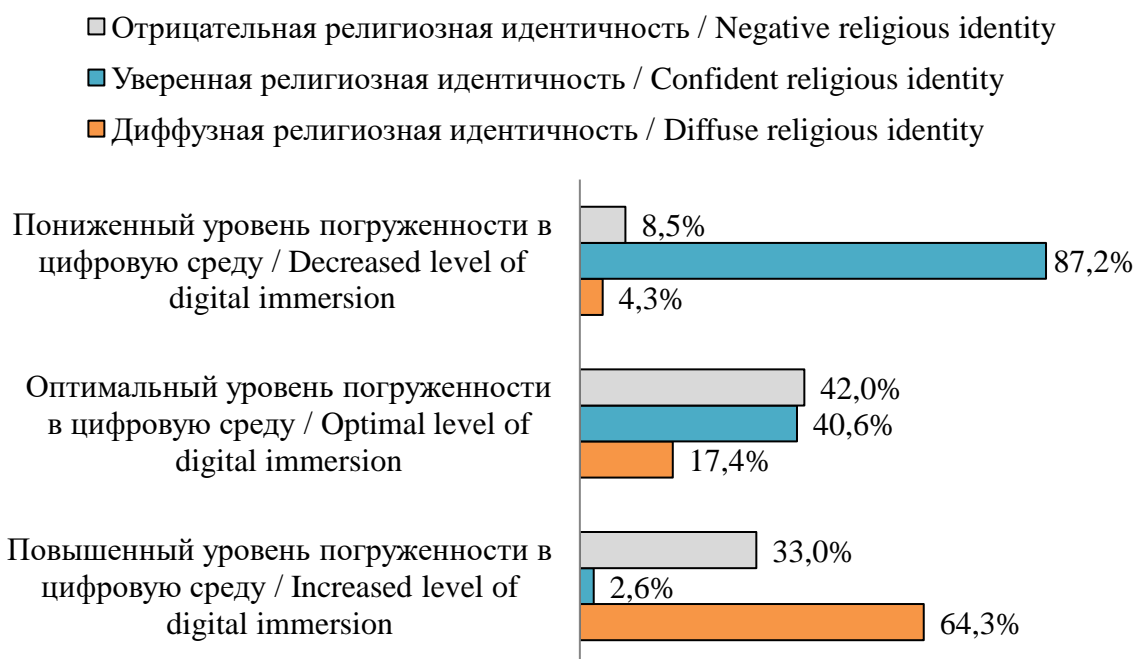

Рисунок 1. Распределение респондентов по уровням цифровой идентичности и религиозной идентичности, %
Figure 1. Distribution of respondents by levels of digital identity and religious identity, %

Отметим, что при самооценке респондентами степени влияния интернета на их религиозные убеждения среди респондентов с диффузной религиозной идентичностью около 30% респондентов ответили, что интернет оказал значительное влияние на их религиозную идентификацию. Что касается респондентов с отрицательной религиозной идентичностью, то среди них более 54% оценили влияние интернета как значительное. И только 17% респондентов с уверенной религиозной идентичности ответили, что на их религиозный выбор оказал влияние интернет.

Для дальнейшей проверки гипотезы нам необходимо было распределить респондентов на тех, у кого есть и нет диффузной религиозной идентичности и тех, у кого есть и нет повышенного уровня погруженности в цифровую среду (Рисунок 2).

Исходя из построенной диаграммы, мы можем сделать вывод о том, что среди респондентов с повышенным уровнем на 50,2% больше респондентов с диффузной религиозной идентичностью, чем среди респондентов с отсутствием повышенного уровня.

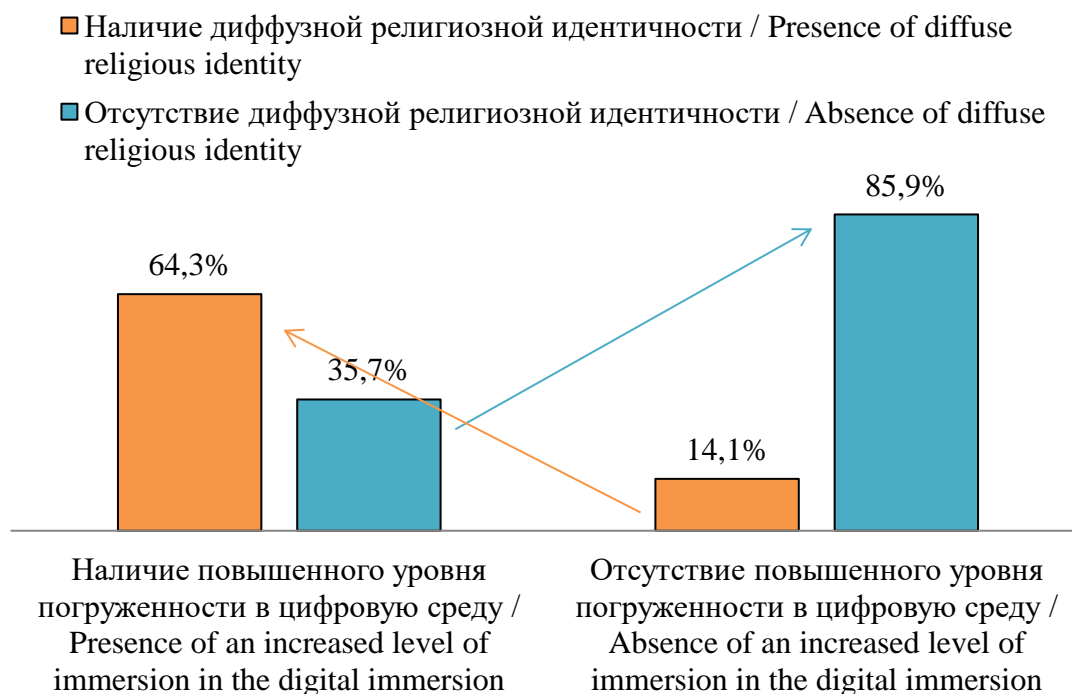

Рисунок 2. Распределение респондентов по отсутствию и наличию повышенного уровня погруженности в цифровую среду и диффузной религиозной идентичности, %

Figure 2. Distribution of respondents by the absence and presence of an increased level of immersion in the digital environment and diffuse religious identity, %

Для оценки значения хи-квадрат необходимо сравнить заданное значение критерия с критическим значением хи-квадрат при данном уровне значимости и числе степеней свободы (число степеней свободы $df = 1$; значение критерия хи-квадрат $\chi^2 = 80,722$; критическое значение хи-квадрат при уровне значимости $p=0.01$ и $df=1$ равно 6.635).

Поскольку значение критерия хи-квадрат (80,722) значительно превышает критическое значение (6,665) при уровне значимости $p=0.01$ и числе степеней свободы 1, мы можем отвергнуть нулевую гипотезу о независимости факторного и результативного признаков. Это означает, что связь между ними статистически значима. Таким образом, наша гипотеза о

том, что высокая степень погруженности в цифровую среду влияет на конструирование у молодого человека диффузной религиозной идентичности, была подтверждена.

Несмотря на проведенный анкетный опрос, подтвердивший наше основное предположение, мы посчитали необходимым глубже погрузиться в вопрос основных тенденций конструирования религиозной идентичности в современной России. Для достижения этой цели было принято решение провести экспертное интервью. Эксперты были условно разделены на две группы – священнослужители (представители со стороны Ислама (Д. Э. Якубовский), Протестантизма (А. В. Данилов), Православия (А. Н. Иванов)), а также ученые, в научные интересы которых входит изучение религиозной идентичности (Е. А. Кублицкая, К. М. Товбин, С. Д. Лебедев, В. Г. Писаревский). Этот выбор был обусловлен необходимостью получения максимально полного и многогранного понимания вопроса. Священнослужители являются носителями традиционных религиозных знаний и практик, а также имеют непосредственный опыт в ведении религиозных общин. Их взгляды и мнения могут дать ценное понимание того, как цифровизация влияет на религиозную идентичность людей, особенно в контексте сохранения традиционных ценностей и адаптации к современным условиям. С другой стороны, ученые предоставляют аналитический взгляд на процесс конструирования религиозной идентичности. Ими могут применяться различные теоретические подходы и методологии для изучения изменений, которые происходят под влиянием цифровых технологий.

В ходе анализа полученных данных мы выявили следующие мнения экспертов:

1. К факторам влияния на конструирование молодыми людьми их религиозной идентичности могут быть

отнесены: ближайшее окружение (семья, друзья, одноклассники и т.д.), культурные условия, государственная политика, личные переживания человека, географическое положение (деление на центр и периферию, на условия проживания человека), усиливающаяся цифровизация;

2. Количество представителей молодежи с диффузной религиозной идентичности будет увеличиваться. Причинами были названы: цифровизация, уход ортодоксальных религий, смена теоцентризма на антропоцентризм, популяризация медитаций, астрологии, неоязычества и т.д.

3. Влияние цифровизации на конструирование молодыми людьми религиозной идентичности неоднозначно. Несмотря на то, что цифровизация способна оказывать негативное влияние, все же последствия этого влияния должны контролироваться самим человеком, носителем религиозной идентичности.

4. Меры по укреплению религиозной идентичности в эпоху цифровизации могут быть следующими: проведение мероприятий по освещению негативного влияния Интернета и поиска возможных способов противодействия; дистанцирование религии от политики и, в целом, от «нерелигиозных вопросов»; усиление распространения среди молодых людей исконных религиозных ценностей; реформирование прозелитической деятельности и привлечение авторитетов для каждой возрастной группы. Также было выявлено два полярных мнения: эксперт-священнослужитель предложил полностью исключить поиск религиозных ответов в сети и отделить в принципе религию от Интернета; эксперт-ученый предложил использование геймификации для укрепления религиозной идентичности. Также было выражено мнение о том, что любые социальные технологии в данном вопросе являются неприемлемыми.

5. Отождествление религиозных онлайн практик реальным практикам возможно только в том случае, если того допускает конкретная конфессия. Однако рядом экспертов было отмечено, что феномен цифровой религии способен также трансформировать религиозную идентичность молодых людей в сторону диффузности.

Таким образом, современные процессы формирования религиозной идентичности молодежи протекают в условиях глубокой трансформации общества, где традиционные институты (церковь, семья, школа и др.) утрачивают монополию на смыслообразование, а цифровая среда становится новым пространством поиска духовных ориентиров.

Религиозная идентичность сегодня конструируется под воздействием сложного переплетения микро- и макросоциальных факторов. Семья и ближайшее окружение продолжают оставаться важнейшим источником первичной религиозной социализации, но их влияние ослабевает в условиях цифровой эпохи, где авторитеты формируются в том числе через социальные сети и онлайн-сообщества. Государственная политика способна как усиливать процесс формирования уверенной религиозной идентичности (например, через включение религиозных норм в образовательные программы), так и ослаблять этот процесс, если религия ассоциируется с непопулярными политическими решениями. Цифровизация же выступает как катализатор изменений, предоставляя доступ к альтернативным религиозным и квазирелигиозным дискурсам.

Одним из наиболее значимых последствий всех вышеперечисленных процессов становится распространение диффузной религиозной идентичности – эклектичной, гибридной, часто основанной на субъективном выборе элементов из разных традиций. Данное обстоятельство

связано с несколькими трендами. Так, в современном мире происходит снижение доверия к ортодоксальным религиям (особенно среди возрастной группы молодежи), что обусловлено как скандалами внутри религиозных институтов, так и общим запросом на автономию в духовных вопросах. Происходит коммерциализация духовности, так как поп-культура и цифровые платформы активно продвигают медитации, астрологию, wellness-практики, что способны замещать традиционные формы религиозности. Можно предположить, что данные тренды будут усиливаться, поскольку они соответствуют общей логике постмодерного общества – фрагментации идентичностей и отказу от жестких идеологических рамок.

Процесс конструирования религиозной идентичности в XXI веке становится все более сложным, подвижным и многофакторным. Традиционные институты уже не могут опираться исключительно на авторитет и привычные формы передачи веры – они вынуждены конкурировать с множеством альтернативных духовных предложений. В этих условиях наиболее устойчивыми окажутся те религиозные сообщества, которые сохранят ядро традиционных ценностей, но адаптируют формы их передачи под цифровую реальность; смогут противостоять диффузии идентичности не через запреты, а через глубокую просветительскую работу; найдут баланс между сохранением сакрального и использованием современных технологий.

Тем не менее, государству, образовательным институтам и самим религиозным организациям стоит учитывать, что навязывание жестких рамок в эпоху плюрализма может дать обратный эффект – дальнейший уход молодежи в индивидуализированные формы духовности. Поэтому ключевым направлением должно стать не

принудительное укрепление религиозности, а создание условий для осознанного и информированного выбора.

Заключение (Conclusion).

Трансформация религиозной идентичности молодых людей не стоит под вопросом, а является фактом, который несет в себе множество последствий. Эти изменения затрагивают не только индивидуальное мировоззрение, но и социальные, культурные, а в некоторых случаях и политические аспекты жизни общества. Молодежь, как наиболее динамичная и восприимчивая к новым идеям группа, становится ключевым актором в формировании будущих религиозных и духовных ландшафтов.

Особую роль в этом процессе играет цифровизация, которая, как было доказано в данном исследовании, способствует формированию так называемой «диффузной» религиозной идентичности, которая характеризуется гибкостью, эклектичностью и отсутствием четких границ. Молодежь все чаще комбинирует элементы различных религиозных традиций, создавая индивидуальные духовные пути, которые могут не вписываться в рамки традиционных конфессий.

Полученные в ходе данного исследования результаты и выводы могут найти применение в различных сферах общественной жизни и стать основой для дальнейших изысканий в этой актуальной междисциплинарной области. Так, результаты работы могут быть использованы религиозными организациями и духовными лидерами. В эпоху, когда традиционные формы религиозного просвещения теряют эффективность, полученные данные позволяют разрабатывать новые форматы катехизаторской и миссионерской деятельности. Речь идет о создании специализированных мобильных приложений, интерактивных образовательных платформ, курсов по основам вероучения – тех инструментов,

которые отвечают цифровым привычкам молодого поколения. Не менее важно выстраивание грамотной коммуникационной стратегии в социальных сетях и мессенджерах, позволяющей доносить сакральные смыслы без потери их глубины в условиях цифровой среды.

Перспективы дальнейшего развития темы представляются чрезвычайно широкими и многоаспектными. Одними из направлений могли бы стать сравнительные исследования особенностей конструирования религиозной идентичности в разных странах и культурных контекстах. Такой подход позволил бы выявить, как государственная политика (например, принцип светскости во Франции в сравнении с поддержкой традиционных конфессий в России) влияет на динамику религиозности молодежи, а также проанализировать различные цифровые стратегии, используемые религиозными организациями в разных частях мира. Возможным направлением будущих исследований мог бы стать гендерный и возрастной анализ особенностей конструирования религиозной идентичности. Это предполагает изучение специфики религиозного самоопределения у юношей и девушек, а также анализ изменений религиозных взглядов при переходе от подросткового возраста к периоду зрелости. Не менее перспективным представляется изучение успешных кейсов адаптации традиционных религиозных институтов к цифровой реальности – анализ эффективных цифровых проектов (религиозных подкастов, блогов, онлайн-курсов), а также исследование реакции молодых людей в рамках их религиозного самоопределения.

Таким образом, настоящее исследование открывает широкие перспективы для междисциплинарного научного диалога, объединяя теологию, социологию религии, диджитал-исследования, психологию и педагогику.

Его практическая значимость выходит за рамки академического сообщества, представляя ценность для специалистов в области образования, духовного просвещения и социальной политики. Дальнейшая разработка темы требует комплексного подхода, сочетающего качественные методы (глубинные интервью, фокус-группы) с количественным анализом больших данных из социальных сетей и экспериментальными исследованиями цифровых форматов передачи религиозного знания.

Список литературы

- Астапов С. Н. Конструирование религиозной идентичности // Манускрипт. 2016. № 10. С. 29-32. EDN: WLWNYR.
- Афанасьева М. А. Цифровизация религиозного сознания: проблемы и перспективы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 114-122. DOI: [10.37482/2687-1505-V276](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V276). EDN: MSKSBC.
- Бондаренко О. В., Леонова М. С. Религиозная идентичность: экспликация понятия // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 285-290. EDN: RMSWSR.
- Глазьев С. Ю. Открытие закономерности смены технологических укладов в ЦЭМИ АН СССР // Экономика и математические методы. 2018. № 3. С. 17-30. DOI: [10.31857/S042473880000655-9](https://doi.org/10.31857/S042473880000655-9). EDN: YLVTID.
- Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. 2010. № 4. С. 66. EDN: NQXEKN.
- Дмитриева Е. Л. Религия в России в эпоху цифровизации (на примере православия и ислама) // Россия и мусульманский мир. 2023. № 2. С. 129-136. DOI: [10.31249/rimm/2023.02.10](https://doi.org/10.31249/rimm/2023.02.10). EDN: CZICTB.
- Дмитриева Н. В., Самойлик Н. А. Кризис идентичности: феноменология переживания // МНКО. 2013. № 6. С. 113.
- Друкер П. Менеджмент. Вызовы XXI века. М.: МИФ. 2020. 154 с.
- Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 2017. 608 с.
- Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М.: Икар. 2014. 356 с. EDN: XVMYCH.
- Кублицкая Е. А., Назаров М. М. Динамика религиозности в современной России (по данным исследований в столичном регионе) // Вестник Российской академии наук. 2019. № 11. С. 1120-1127. DOI: [10.31857/S0869-58738911120-1127](https://doi.org/10.31857/S0869-58738911120-1127). EDN: RNDVMC.
- Кублицкая Е. А., Франчук Д. В. Нетрадиционные религии и эзотерические учения в жизни московской молодёжи (социологический опыт) // Секуляризация в контексте измерения религиозных трансформаций современного общества. 2018. №4. С. 227-242. EDN: YVJJHN.
- Лобова С. В. Сопряжение совместной экономики и медиаобразования // Медиаобразование. 2017. №. 3. С. 104-117. EDN: ZENBJH.
- Мчедлов М. П. Общие вопросы религиозной идентичности. К постановке проблемы, условия ее объективного анализа // Электронная библиотека, 2008. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Mchedlov_obs_hie.pdf (дата обращения: 26.01.2024).
- Оллпорт Г. В. Природа предубеждения. Нью-Йорк, 1954. 217 с.
- Ореханов Ю. Л. Секуляризация и постмодерн: религиозные процессы в молодежной среде в современной России и Европе и их социально-богословская рефлексия // Вестник ПСТГУ. 2014. № 56. С. 101-117. DOI: [10.15382/sturI201456.101-118](https://doi.org/10.15382/sturI201456.101-118). EDN: TJQXJD.
- Пекониди А. В. Цифровая зависимость у детей и подростков. Современные стратегии диагностики и лечения // Русский медицинский журнал. Медицинское обозрение. 2021. Т. 5, № 5. С. 322-329. DOI: [10.32364/2587-6821-2021-5-5-322-329](https://doi.org/10.32364/2587-6821-2021-5-5-322-329). EDN: RKTLCB.
- Пивень А. В., Янов И. И. Религия в эпоху цифровизации // Социально-правовые преобразования в современной России. 2022. С. 175-178. EDN: KQSTPT.
- Пронина Т. С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен //

Вестник РХГА. 2015. № 2. С. 154-166. EDN: VQFWMD.

Пронина Т. С., Пенков Д. Бриколаж религиозных идентичностей (исследование в Тамбовской области) // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2019. № 1. С. 188-198. EDN: MQXKY.

Пухляк А. Д. Цифровая зависимость: проблема нашего времени или неоправданные опасения? // Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 207-210. EDN: RTVVPM.

Рыжова С. В. О соотношении православной идентичности и гражданского сознания // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Изд. Ин-та социологии РАН, 2006. С. 141-168. EDN: SYPUT

Смирнов В. В. Феномен цифровой зависимости в условиях информационного общества (социально-психологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2019. № 4. С. 72-76. DOI: [10.25586/RNU.HET.19.04.P.72](https://doi.org/10.25586/RNU.HET.19.04.P.72). EDN: ZBOEJN.

Смирнов М. Ю. О религиоведении, религии и религиозности // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2008. № 2. С. 68. EDN: KLSRJT.

Сpirкин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Издательство политической литературы. 1972. 303 с.

Федорова М. В. Религиозная идентичность в современном цифровом мире // Социодинамика. 2020. №. 6. С. 66-79. DOI: [10.25136/2409-7144.2020.6.33085](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.33085). EDN: STWURD.

Хасханова М. Т., Верещагина М. В. Анализ классификаций и видов религиозной идентичности с позиции социально-психологического подхода // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 12. С. 13-17. DOI: [10.24158/spp.2017.12.20](https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.20). EDN: YLFQVE.

Чеснова Е. Н. Специфика цифровизации ислама и IT-халяль // Исламоведение. 2022. Т. 13, № 3. С. 26-41. DOI: [10.21779/2077-8155-2022-13-3-26-41](https://doi.org/10.21779/2077-8155-2022-13-3-26-41). EDN: HNJHFN.

Чиприани Р., Рикуччи Р. Introduction. Discussing religions in a globalized world. Trends, changes and novelties // Научный

результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 3. С. 4-8. EDN: ZWKKIP.

Шваб К. Глобализация 4.0. Новая архитектура для четвертой промышленной революции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1. С. 79-84. EDN: QOGCGT.

References

Astapov, S. N. (2016), "Constructing a religious identity", *Manuskript*, (10), 29-32, EDN: WLWNYR. (In Russian)

Afanasieva, M. A. (2023), "Digitalization of religious consciousness: problems and prospects", *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 23(4), 114-122, DOI: [10.37482/2687-1505-V276](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V276), EDN: MSKSBC. (In Russian)

Bondarenko, O. V., Leonova, M. S. (2010), "Religious identity: explication of the concept", *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, (6), 285-290, EDN: RMSWSR. (In Russian)

Glaziev S. Ju. (2018), "Discovery of the pattern of technological change in the Central Research Institute of the USSR Academy of Sciences", *Ekonomika i matematicheskie metody*, (3), 17-30, DOI: [10.31857/S042473880000655-9](https://doi.org/10.31857/S042473880000655-9), EDN: YLVTID. (In Russian)

Gurevich, P. S. (2010), "Problema identichnosti cheloveka v filosofskoy antropologii", *Voprosy sotsialnoy teorii*, (4), 66, EDN: NQXEKN. (In Russian)

Dmitrieva, E. L. (2013), "Religion in Russia in the era of digitalization (using the example of Orthodoxy and Islam)", *Rossiya i musulmansky mir*, (2), 129-136, DOI: [10.31249/rimm/2023.02.10](https://doi.org/10.31249/rimm/2023.02.10), EDN: CZICTB. (In Russian)

Dmitrieva, N. V., Samoylik, N. A. (2013), "Identity Crisis: the Phenomenology of Experience", *MNKO*, (6), 113. (In Russian)

Druker, P. (2020), *Menedzhment. Vyzovy XXI veka* [Management. Challenges of the 21st century], MIF, Moscow, Russia, 118-154. (In Russian)

Kastels, M. (2017), *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo i kultura* [The information Age. Economy, society and culture], GU VShJe, Moscow, Russia, 608. (In Russian)

Krylov, A. N. (2014), *Religioznaya identichnost. Individualnoe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrialnom prostranstve*

[Religious identity. Individual and collective self-awareness in the post-industrial space], Ikar, Moscow, Russia, 356, EDN: XVMYCH. (In Russian)

Kublitskaya, E. A., Nazarov, M. M. (2019), "The dynamics of religiosity in modern Russia (according to research in the metropolitan region)", *Vestnik Rossyskoy akademii nauk*, (11), 1120-1127, DOI: [10.31857/S0869-587389111120-1127](https://doi.org/10.31857/S0869-587389111120-1127), EDN: RNDVMC. (In Russian)

Kublitskaya, E. A., Franchuk, D. V. (2018), "Non-traditional religions and esoteric teachings in the life of Moscow youth (sociological experience)", *Sekulyarizatsiya v kontekste izmereniya religioznykh transformatsiy sovremennogo obshchestva*, (4), 227-242, EDN: YVJJHN. (In Russian)

Lobova, S. V. (2017), "Coupling of the joint economy and media education", *Mediaobrazovanie*, (3), 104-117, EDN: ZENBJH. (In Russian)

Mchedlov, M. P. (2008), "General issues of religious identity. The problem statement, the conditions for its objective analysis", *Elektronnaya biblioteka*, [Online], available at URL:

https://www.civisbook.ru/files/File/Mchedlov_obs_hie.pdf (Accessed 26 January 2024). (In Russian)

Ollport, G. V. (1954), *Priroda predubezhdeniya* [The nature of prejudice], New York, 217. (In Russian)

Orekhanov, Ju. L. (2014), "Secularization and Postmodernity: Religious Processes among Young People in Modern Russia and Europe and their socio-theological reflection", *Vestnik PSTGU*, (56), 101-117, DOI: [10.15382/sturI201456.101-118](https://doi.org/10.15382/sturI201456.101-118), EDN: TJQXJD. (In Russian)

Pekonidi, A. V. (2021), "Digital addiction in children and adolescents. Modern diagnostic and treatment strategies", *Russky meditsinsky zhurnal. Meditsinskoe obozrenie*, 5(5), 322-329, DOI: [10.32364/2587-6821-2021-5-5-322-329](https://doi.org/10.32364/2587-6821-2021-5-5-322-329), EDN: RKTLCs. (In Russian)

Piven, A. V., Yanov, I. I. (2022), "Religion in the age of digitalization", *Sotsialno-pravovye preobrazovaniya v sovremennoy Rossii*, (2), 175-178, EDN: KQSTPT. (In Russian)

Pronina, T. S. (2015), "Religious identity as a psychosocial phenomenon", *Vestnik RHGA*, (2), 154-166, EDN: VQFWMD. (In Russian)

Pronina, T. S., Penkov, D. (2019), "The bricolage of religious identities (a study in the Tambov region)", *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*, (1), 188-198, EDN: MQXKY. (In Russian)

Puhlyak, A. D. (2020), "Digital addiction: a problem of our time or unjustified fears? ", *Sotsialnaya realnost virtualnogo prostranstva: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The social reality of virtual space: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference], Irkutsk, Russia, 207-210, EDN: RTVVPM. (In Russian)

Ryzhova, S. V. (2006), "On the relationship between Orthodox identity and civic consciousness" in *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoy Rossii*, [Civil, ethnic, and religious identities in modern Russia], Izd. In-ta sotsiologii RAN, Moscow, Russia, 141-168, EDN: SYPUT. (In Russian)

Smirnov, V. V. (2019), "The phenomenon of digital addiction in the information society (socio-psychological aspect)", *Vysshee obrazovanie segodnya*, (4), 72-76, DOI: [10.25586/RNU.HET.19.04.P.72](https://doi.org/10.25586/RNU.HET.19.04.P.72), EDN: ZBOEJN. (In Russian)

Smirnov, M. Ju. (2008), "About religious studies, religion and religiosity", *Vestnik russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, (2), 68, EDN: KLSRJT. (In Russian)

Spirkin, A. G. (1972), *Soznanie i samosoznanie* [Consciousness and self-awareness], Izdatelstvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia. (In Russian)

Fedorova, M. V. (2020), "Religious identity in the modern digital world", *Sotsiodinamika*, (6), 66-79, DOI: [10.25136/2409-7144.2020.6.33085](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.33085), EDN: STWURD. (In Russian)

Hashanova, M. T., Vereshhagina, M. V. (2017), "Analysis of classifications and types of religious identity from the perspective of a socio-psychological approach", *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, (12), 13-17, DOI: [10.24158/spp.2017.12.20](https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.20), EDN: YLFQVE. (In Russian)

Chesnova, E. N. (2022), "The specifics of Islam's digitalization and Halal IT", *Islamovedenie*, 13(3), 26-41, DOI: [10.21779/2077-8155-2022-13-3-26-41](https://doi.org/10.21779/2077-8155-2022-13-3-26-41), EDN: HNJHFH. (In Russian)

Chipriani, R., Rikuchchi, R. (2020), "Introduction. Discussing religions in a globalized world. Trends, changes and novelties", *Research*

Result. Sociology and Management, (3), 4-8, EDN: ZWKKIP. (In Russian)

Shvab, K. (2019), "Globalization 4.0. A new architecture for the Fourth Industrial Revolution", *Evrazyskaya integraciya: Ekonomika, pravo, politika*, (1), 79-84, EDN: QOGCGT. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2025 г. Поступила после доработки 01 июня 2025 г. Принята к печати 10 июня 2025 г. Received 13 April 2025. Revised 01 June 2025. Accepted 10 June 2025.

***Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.***

Зимова Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социального конструирования, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Natalia S. Zimova, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Social Construction, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Мацнева Елизавета Андреевна, магистр направления «Социология», Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Elizaveta A. Matsneva, MA in Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.